ISSN 2500-1442

Научная статья
УДК 34.096
EDN MQLPLI
DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(5).626-634

ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ НЕПРАВОМЕРНОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ (ОБОРОТУ) БИОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЧЕЛОВЕКА

И.А. Подройкина[1, 2], А.Р. Сираканян[2]

[1] Ростовский филиал Российской таможенной академии, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
[2] Сургутский государственный университет, г. Сургут, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
30 июня 2026 г.

Дата принятия к публикации
26 октября 2026 г.

Дата онлайн-размещения
25 ноября 2026 г.

Ключевые слова

Биологические материалы человека; правовое регулирование; уголовная ответственность; информированное согласие; генетическая информация; биоэтика; биомедицина; потенциал; системная реформа

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда научно-технологического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в рамках реализации научного проекта № 2024-530-08

Аннотация. В последние годы активно развиваются биотехнологии, ценность человеческого биоматериала возрастает с каждым днем, что приводит к различным криминальным формам его использования — от незаконного проведения научных исследований до создания рынка для торговли. Целью исследования является оценка потенциала действующего уголовного законодательства с позиции достаточности для адекватного реагирования на факты неправомерного использования (оборота) человеческих биоматериалов. Для ее реализации были поставлены следующие задачи: изучить положения уголовного закона и возможные варианты квалификации случаев неправомерного использования биоматериалов человека; рассмотреть практику привлечения к уголовной ответственности за неправомерное использование (оборот) биоматериалов человека; определить перспективные направления развития законодательства для обеспечения надлежащего противодействия неправомерному использованию (обороту) биоматериалов человека.

В рамках проведенного исследования отмечено, что в законодательстве отсутствует единое определение биоматериала, что создает разночтения в практике и приводит к бесконтрольному использованию человеческого биоматериала в различных сферах деятельности. Генетическая информация находится в правовом вакууме. Информированное согласие часто носит формальный характер — донор не получает полной информации о целях и рисках использования его биоматериала. Уголовно-правовые нормы распределены по разным главам УК РФ и напрямую не устанавливают ответственность за неправомерное использование (оборот) биоматериалов человека, что затрудняет квалификацию деяний и фактически вынуждает правоприменителя «подгонять» существующие нормы под возникающие ситуации. Суды испытывают сложности при квалификации действий с биоматериалами человека, поскольку существующие нормы создавались без учета современных технологий.

В заключение авторы приходят к выводу о необходимости системной реформы в данной сфере, в основу которой должно быть положено следующее: признание особого статуса биологических материалов человека как объектов с повышенной правовой охраной; законодательное закрепление права донора контролировать использование его биоматериалов после изъятия; установление строгих требований к процедуре получения информированного согласия с детализацией возможных способов использования биоматериалов человека; введение уголовной ответственности за незаконный оборот биологических материалов человека как самостоятельный состав преступления.

Для цитирования. Подройкина И.А. Потенциал российского уголовного законодательства по противодействию неправомерному использованию (обороту) биологических материалов человека / И.А. Подройкина, А.Р. Сираканян. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(5).626-634. — EDN MQLPLI // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 5. — С. 626–634.

© Подройкина И.А., Сираканян А.Р., 2026

ISSN 2500-1442

Original article

THE POTENTIAL OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION FOR COUNTERACTING THE ILLEGAL USE (TRAFFICKING) OF HUMAN BIOLOGICAL MATERIALS

Inna A. Podroykina[1, 2], Arkadiy R. Sirakanyan[2]
[1] *Rostov branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, the Russian Federation*
[2] *Surgut State University, Surgut, the Russian Federation*

Article info

Received
2026 June 30

Accepted
2026 October 26

Available online
2026 November 25

Keywords

Human biological materials; legal regulation; criminal liability; informed consent; genetic information; bioethics; biomedicine; potential; systemic reform

Acknowledgements

The research was financially supported by the Foundation for Scientific and Technological Development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra as part of Scientific Project No. 2024-530-08

Abstract. Biotechnologies have been actively developing in recent years, and the value of human biomaterial is constantly increasing, which leads to various criminal forms of its use — from illegal scientific research to a market for trading. The goal of this study is to assess the potential of the current criminal legislation from the standpoint of its sufficiency for an adequate reaction to the facts of illegal use (trade) of human biomaterials. To achieve this goal, the following tasks have been set: to study the clauses of criminal legislation and the possible options for qualifying the case of illegal use of human biomaterials; to analyze the practice of criminal prosecution for illegal use (trade) of human biomaterials; to outline the prospective directions for developing legislation that would ensure due counteraction to the illegal use (trade) of human biomaterials.
The conducted research showed that the legislation lacks a unified definition of biomaterials, which gives rise to inconsistent interpretations in practice, and leads to uncontrolled use of human biomaterials in various spheres of life. Genetic information is in a legal vacuum. An informed consent is often a formality — the donor does not get full information about the goals and risks of using their biomaterials. Criminal law norms are found in various Charters of the Criminal Code of the Russian Federation and do not directly establish liability for the illegal use (trade) of human biomaterials, which hinders the qualification of such actions and, in fact, makes law enforcers "adjust" existing norms to the actual situations. Courts experience difficulties in qualifying actions with human biomaterials since the current norms were written without taking into consideration modern technologies.
The authors conclude that this sphere is in need of a systemic reform based on the following: recognition of a special status of human biomaterials as objects of heightened legal protection; legal consolidation of a right of a donor to control the use of biomaterials after they are taken; introduction of strict requirements to the procedure of obtaining an informed consent with a detailed list of possible uses of human biomaterials; introduction of criminal liability for illegal trade in human biomaterials as a separate crime.
For citation. Podroykina I.A., Sirakanyan A.R. The Potential of Russian Criminal Legislation for Counteracting the Illegal Use (Trafficking) of Human Biological Materials. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 5, pp. 626–634. (In Russian). EDN: MQLPLI. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(5).626-634.

Инновационные технологии динамично проникают во все сферы современного общества, развиваясь быстрее, чем механизмы их нормативного правового регулирования. Вследствие этого их интеграция в социальную сферу опережает процесс осознания обществом и государством необходимости соответствующего правового регулирования.

На стыке стремительного развития биотехнологий и фундаментальных прав человека формируется сложная, но крайне важная область правового регулирования, касающаяся использования биоматериалов человека. Понимание правовой природы биоматериалов человека и его статуса становится ключевым для обеспечения баланса между научным прогрессом и защитой прав и свобод. Современная действительность диктует необходимость переосмысления традиционных правовых подходов, поскольку человеческие биоматериалы не вписываются в классическую систему объектов гражданских прав. Законодатель оказывается перед сложнейшим выбором: определить правовой режим биологических объектов таким образом, чтобы не затормозить развитие науки и одновременно не допустить нарушения прав человека. Биоматериалы человека представляют собой широкий спектр биологических объектов, полученных от конкретного лица. В цивилистической доктрине до сих пор отсут-

ствует единое, общепризнанное определение биоматериалов, что порождает дискуссии об их правовой природе и статусе как объектов гражданских прав.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами первостепенной важности. Во-первых, скорость развития биотехнологий значительно опережает формирование актуальной правовой базы, что создает многочисленные «серые зоны» и пробелы в регулировании. Во-вторых, отсутствие четких правовых механизмов порождает риски злоупотреблений, включая незаконное использование (оборот) биоматериалов человека, на что указывают случаи появления предложений о купле-продаже органов на скрытых рынках и в теневом сегменте интернета, а также сообщения в СМИ о фактах такой деятельности. В-третьих, нерешенность вопросов собственности на биоматериалы и биообразцы человека, а также на 3D-биопринтные органы тормозит развитие регенеративной медицины и других передовых направлений, поскольку инвесторы и исследователи сталкиваются с правовой неопределенностью. Отсутствие ясности относительно прав на результаты исследований, проведенных с использованием биоматериалов человека, препятствует коммерциализации научных разработок и трансферу технологий. Кроме того, цифровизация здравоохранения и формирование больших данных в медицине усиливают риски утечки конфиденциальной биометрической и генетической информации, что требует совершенствования механизмов правовой защиты. Заметим, что сходные проблемы обсуждаются не только в отечественной, но и в зарубежной литературе [1; 2, p. 209; 3; 4, p. 2; 5, p. 7].

Некоторые исследователи рассматривают биоматериалы человека как объекты «sui generis», обладающие дуальной природой нематериальных благ и вещей. Н.В. Аполинская в своей работе, посвященной изучению правовой природы биологических объектов человека, замечает, что применительно к данной теме «в первую очередь авторы говорят о проблемах правового регулирования оборота отдельных органов и тканей (объектов донорства), в иных случаях — о правовой принадлежности тела умершего либо эмбрионов человека» [6, с. 37].

Нормативная правовая база в области биотехнологий продолжает развиваться и совершенствоваться, она включает не только законы, но и ряд иных нормативных актов, регулирующих использование биотехнологий в различных сферах деятельности [7, с. 37]. Отсутствие единого подхода к определению правового статуса биоматериалов человека в гражданском праве не препятствует привлечению к уголовной ответственности за их незаконный оборот [8, с. 85]. Биоматериалы человека нуждаются в особой защите, поэтому допущение самой строгой ответственности — уголовной — за неправомерные манипуляции с ними является адекватной реакцией со стороны государства [9, с. 199].

Современное уголовное законодательство России содержит нормы, на основании которых возможно привлечение к ответственности в случаях совершения неправомерных действий с биологическими материалами человека. Квалификация подобных деяний зависит от характера нарушения, наличия умысла или неосторожности, а также от наступивших последствий. Правоприменительная практика в данной сфере развивается неравномерно: одни составы применяются крайне редко, другие получают все большее распространение в связи с развитием биомедицинских технологий и коммерциализацией сферы здравоохранения. В целом же можно обратить внимание на отсутствие четко выработанной позиции правоприменителя относительно возможной квалификации злоупотреблений в области оборота биоматериалов человека [10, с. 11].

Статья 20 УК РФ[1] криминализирует принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации. Объективная сторона преступления включает любые формы принуждения — от психологического давления до физического насилия или угрозы его применения. Законодатель установил, что само принуждение образует оконченный состав преступления независимо от фактического изъятия биоматериала, т. е. состав формальный. Субъектом может быть любой человек, заинтересованный в получении органов или тканей, включая медработника, но квалификация по ст. 120 возможна только при наличии принуждения — добровольное согласие родственника исключает ответственность.

При этом родственники вправе заявить о несогласии, что создает правовую неопределенность в ситуациях конфликта воли умершего и позиции семьи. С.Д. Кагирова отмечает, что «в России до сих пор не определен порядок выражения

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

и закрепления (фиксации) прижизненного волеизъявления гражданина о несогласии на изъятие у него органов и (или) тканей после его смерти» [11, с. 72]. Специального реестра не существует, и медицинские организации фактически полагаются на устные заявления родственников.

Спорным остается вопрос о применении ст. 120 УК РФ к принуждению к изъятию биологических материалов, не связанных с органами или тканями в трансплантологическом смысле.

Незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, влечет ответственность по ст. 137 УК РФ. Применительно к биоматериалам человека данная норма приобретает особое значение, поскольку, например, генетическая информация относится к наиболее чувствительным персональным данным, так как она может затрагивать интересы не только конкретного лица, но и его родственников.

Изъятие биологических образцов без согласия лица с последующим проведением генетического анализа может рассматриваться как незаконное собирание сведений о его частной жизни. Предоставление результатов генетических исследований третьим лицам без согласия субъекта образует оконченный состав преступления по ч. 1 ст. 137 УК РФ. Квалифицированный состав (ч. 2) предусматривает ответственность за совершение деяния с использованием служебного положения, что типично для медицинских работников.

Значительно более актуальной для сферы оборота биоматериалов человека стала ч. 1.1 ст. 226.1 УК РФ, введенная 9 ноября 2024 г. Она устанавливает ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза либо государственную границу Российской Федерации с государствами — членами ЕАЭС патогенных биологических агентов. Биоматериалы человека, содержащие патогенные микроорганизмы или их фрагменты, вполне могут стать предметом этого преступления. Появление данной нормы заметно усиливает уголовно-правовую защиту биобезопасности при трансграничном обороте биологических образцов.

Перечень патогенных биологических агентов для целей уголовного преследования, предусмотренных ст. 226.1 УК РФ, утверждается Правительством Российской Федерации (Распоряжение Правительства РФ от 18 апреля 2025 № 944-р). В этот список входят не только возбудители инфекционных заболеваний, но также биологические токсины, генетически модифицированные организмы и иные опасные микроорганизмы, что подчеркивает расширение уголовно-правовой охраны биологической безопасности государства. Такое дополнение уголовного закона позволяет охватывать более широкий спектр угроз, связанных с оборотом биоматериалов, в том числе человека, включая их потенциальное использование в научных или террористических целях. Подобный подход, с одной стороны, усиливает контроль за трансграничным перемещением, а с другой — учитывает эволюцию биотехнологий, где модифицированные агенты представляют особый риск.

Осуществление медицинской деятельности лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности, если деяние повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека, наказывается по ч. 1 ст. 235 УК РФ. К работе с биоматериалами человека данная норма применяется в случаях, когда забор, исследование или хранение биологических образцов осуществляется организацией или лицом без соответствующих разрешительных документов [12, с. 64].

Коммерческая передача биоматериалов человека представляет отдельную категорию рисков [13, с. 28]. А.В. Головизнин относит органы и ткани человека к «вещам, исключенным из гражданского оборота по нравственным мотивам» [14, с. 22]. Г.С. Васильев отмечает, что «единственным материальным объектом, известным правовой науке, является вещь. Поэтому вещно-правовой статус биоматериала уже не подвергается сомнению за рубежом, где биотехнологии шагнули далеко вперед» [15, с. 312]. С.А. Синицын, говоря об оборотоспособности органов и тканей человека, признает их в качестве объектов гражданских прав, имеющих существенные ограничения в их обороте, обусловленные не только предписаниями действующего закона, но и нормами морали и правосознания [16, с. 217].

Судебная практика исходит из того, что медицинской деятельностью признается только та работа с биоматериалами, которая непосредственно связана с профилактикой, диагностикой и лечением заболеваний[2]. Научные исследования, не имеющие прямого медицинского при-

[2] Решение Верховного Суда РФ от 6 марта 2023 г. № АКПИ23-79. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444177 (дата обращения: 10.01.2026).

менения, не требуют лицензии на медицинскую деятельность, но могут подпадать под действие иных норм, регулирующих обращение с биологическими материалами человека.

Халатность, т. е. неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, влечет уголовную ответственность по ст. 293 УК РФ. Применительно к работе с биоматериалами человека халатность может выражаться в нарушении правил хранения, транспортировки, маркировки образцов, а также в ненадлежащем контроле за соблюдением санитарно-эпидемиологических требований. Особенность применения ст. 293 УК РФ к случаям ненадлежащего обращения с биоматериалами человека заключается в необходимости доказывания причинно-следственной связи между халатными действиями и наступившими последствиями. Нарушение правил хранения биоматериала человека само по себе не образует состава преступления, если не повлекло указанных в законе последствий.

Определение круга лиц, подлежащих уголовной ответственности за нарушения в области обращения с биологическими материалами человека, представляет собой задачу, требующую внимательного анализа. Законодатель, формулируя соответствующие составы преступлений, исходит из общего правила: субъектом может выступать физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Однако специфика посягательств в данной сфере предопределяет необходимость более детального рассмотрения профессионального статуса потенциальных правонарушителей.

Врачи и медицинский персонал формируют наиболее очевидную группу субъектов, подлежащих ответственности за неправомерные действия с биоматериалами человека. Трансплантологи, хирурги, реаниматологи, патологоанатомы — специалисты, чья профессиональная деятельность по определению предполагает непосредственный контакт с органами и тканями человека. Ответственность медицинского работника может наступать не только за активные противоправные действия. Бездействие, когда врач уклоняется от соблюдения установленных процедур изъятия, консервации или трансплантации биоматериалов, также образует состав преступления. Здесь складывается довольно своеобразная ситуация: профессиональные обязанности создают возможность совершения преступления, что, в свою очередь, повышает общественную опасность содеянного.

Руководители медицинских организаций занимают особое положение в системе субъектов ответственности. На главных врачей, заведующих отделениями, директоров центров трансплантации возлагаются обязанности по организации процессов и контролю за соблюдением правил подчиненными. Привлечение к ответственности руководителя может происходить не за непосредственное изъятие органа или незаконную трансплантацию, а за создание условий, способствующих совершению преступлений, за попустительство противоправной деятельности или непринятие мер по ее пресечению. Складывается сложная картина опосредованной причинной связи между действиями (бездействием) администратора и наступившими общественно опасными последствиями.

Исследователи и научные работники составляют третью, менее очевидную категорию субъектов анализируемых преступлений. Биологи, генетики, эмбриологи работают с человеческим биологическим материалом в исследовательских целях. Несоблюдение правовых норм при проведении научных экспериментов влечет уголовную ответственность наравне с медицинскими работниками [17, с. 94]. Незаконное использование эмбриональных тканей, проведение генетических манипуляций без необходимых разрешений, нарушение правил получения информированного согласия — все перечисленное образует самостоятельные составы преступлений.

Посредники и организаторы незаконного оборота биоматериалов человека формально не относятся к медицинским работникам, но играют ключевую роль в создании криминальных схем торговли ими. Координаторы, транспортные агенты, финансовые посредники привлекаются в качестве организаторов, подстрекателей или пособников преступлений.

Должностные лица в системе здравоохранения несут специфическую ответственность, обусловленную характером полномочий. Применительно к обращению с биоматериалами человека должностными лицами признаются главные врачи государственных больниц, заведующие отделениями трансплантологии, руководители научно-исследовательских институтов, имеющие право принимать организационно-распорядительные решения.

Злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) может выразиться в незаконной выдаче разрешений на изъятие органов, в фальсификации документов о согласии на донорство, создании искусственной очередности на получение донорских органов в обход установленных критериев. Таким образом, круг субъектов ответственности за нарушения, связанные нарушением правил оборота биоматериалов человека, включает медицинских работников, руководителей организаций, исследователей и посредников. Должностные лица несут более строгую ответственность за подобные деяния, так как наличие специального статуса, как правило, выступает в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака состава преступления.

На практике фактов привлечения к ответственности за подобные деяния пока немного, но они достаточно показательны. Так, в качестве примера можно привести уголовное преследование экс-заведующей патолого-анатомическим отделением ГКБ имени Боткина Оксаны П. По версии следствия, в 2019–2020 гг. она, получая взятки, организовывала сбор биологических материалов пациентов без необходимой документации и передавала их заказчику. Действия квалифицировали по ч. 6 ст. 290 УК РФ как получение взятки должностным лицом в особо крупном размере. Судебный процесс выявил довольно сложную цепочку: материалы уходили через петербургский «Центральный национальный биобанк» дальше — в американские компании, занимавшиеся, в частности, исследованиями в области онкологии и аутоиммунных заболеваний. Здесь, конечно, возникает вопрос о границах между научным интересом и коммерческой эксплуатацией биологических образцов, особенно когда речь идет о тканях и жидкостях живых или умерших людей[3].

В феврале 2026 г. в СМИ прошла информация о том, что петербургский бизнесмен Станислав М. организовал незаконную торговлю внутренними органами, костными тканями и их частями, взяв в сообщники заведующего патолого-анатомическим отделением Андрея К. М. получал биоматериалы для собственной компании Anabios, которая занималась обучением врачей разных специальностей. В настоящее время оба лица задержаны, возбуждены уголовные дела по факту получения и дачи взяток, превышения должностных полномочий[4].

Особую проблематику вызывает вопрос получения информированного согласия от пациента [18, с. 110]. Передача биологических материалов другим организациям без согласия субъекта влечет серьезные правовые последствия. Особенно актуальна проблема передачи образцов для научных исследований, когда первоначальное согласие получено только на диагностические цели. Получается, что формально биоматериал изъят правомерно, но его дальнейшее использование выходит за рамки полученного согласия.

Законодатель запрещает куплю-продажу органов, но умалчивает о клеточных линиях, полученных из тканей пациента и используемых в биотехнологиях. Громкое дело Генриетты Лакс, клетки которой без ее ведома стали основой клеточной линии HeLa [19, с. 81], подняло вопрос о правах донора на результаты использования его биоматериалов, однако российское право не содержит механизмов компенсации в подобных ситуациях.

Переходя к более специфичным ситуациям, стоит упомянуть попытку контрабанды биоматериала человека для ЭКО. В 2024 г. женщина пыталась вывезти в Грузию семь пробирок с яйцеклетками, полученными в петербургской клинике. Документов, требуемых Федеральной службой по техническому и экспортному контролю, у нее не оказалось, поэтому сотрудники таможни во Владикавказе изъяли груз. Ущерб оценили в 2,5 млн р., а действия квалифицировали как контрабанду стратегически важных ресурсов. Этот инцидент, пожалуй, наиболее ярко иллюстрирует, как репродуктивные клетки в определенном контексте переходят в категорию товаров с особым режимом перемещения через границу, — и здесь уже не столь важно, личное это или коммерческое использование[5].

[3] Кто стоит за компанией в Петербурге, отправлявшей биоматериалы россиян в США // LIFE. 2023. 26 янв. URL: https://life.ru/p/1553713 (дата обращения: 10.01.2026).

[4] Бизнесмен незаконно перепродавал части тел бездомных: они могли попасть в Казань // inkazan.ru. 2026. 7 февр. URL: https://inkazan.ru/news/2026-02-06/biznesmen-nezakonno-pereprodaval-chasti-tel-bezdomnyh-oni-mogli-popast-v-kazan-5546993?ysclid=mlk7tu1mio685013294&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 13.02.2026).

[5] Контрабанда биоматериалов — новый криминальный тренд // Авторские материалы. 2024. Вып. 15. URL: https://smotrim.ru/audio/2748010 (дата обращения: 10.01.2026).

Итак, изучение уголовного законодательства и практики его применения позволяет констатировать, что определенный (весьма ограниченный) потенциал у уголовного закона в части противодействия неправомерному использованию (обороту) биоматериалов человека есть. Однако приведенные примеры показывают, что уголовно-правовая охрана биоматериалов человека реализуется через разрозненные составы преступлений. Специализированных норм об их незаконном обороте нет. Правоприменитель ищет подходящие статьи в разных главах Особенной части УК РФ. Незаконная торговля тканями квалифицируется как мошенничество, или как причинение вреда здоровью, или вообще остается безнаказанной. Итоговое решение зависит от конкретного следователя и его понимания проблемы. В ряде случаев, как обнаруживается, привлечение к ответственности осуществляется через квалификацию по составам о должностных преступлениях.

Все сказанное позволяет сделать вывод о том, что существующая правовая модель устарела, она не в состоянии адекватно среагировать на те вызовы, которые ставит перед обществом развитие биотехнологий и расширение использования в различных целях биологических материалов человека.

Точечные изменения законодательства проблему не решат. Требуется системная реформа, основанная на нескольких принципах. Первое — признание особого статуса биологических материалов человека как объектов с повышенной правовой охраной. Второе — законодательное закрепление права донора контролировать использование его биоматериалов после изъятия. Третье — установление строгих требований к процедуре получения информированного согласия с детализацией всех возможных способов использования. Четвертое — введение уголовной ответственности за незаконный оборот биологических материалов человека как самостоятельный состав преступления.

Существующий подход, при котором деяние квалифицируется в зависимости от усмотрения следователя, неприемлем. Специальная норма должна устанавливать конкретные признаки объективной и субъективной стороны, исключающие разночтения. Заметим, что в ряде стран в уголовных кодексах содержатся нормы, направленные на защиту от неправомерного использования (оборота) биоматериалов человека. Более того, речь идет не о странах так называемого дальнего зарубежья, а о государствах, образующих пространство ЕАЭС, соответственно, опыт, который может быть положен в основу реформирования отечественного уголовного законодательства, существует и может быть воспринят законодателем России [20]. В качестве примера можно привести ст. 183 УК Армении, где наказуемым признается незаконный оборот эмбриона или плода человека, клеток, тканей, органов или биологических материалов или жидкостей человека или трупа[6].

Достижение баланса между защитой прав личности и развитием биомедицины возможно. Запретительный подход действительно тормозит прогресс — это подтверждено опытом стран с чрезмерно жестким регулированием. Однако либеральная модель, при которой медицинские организации получают фактически неограниченный доступ к биоматериалам человека после формального получения согласия, создает почву для злоупотреблений. Оптимальное решение лежит между крайностями.

Специализация правоприменителя в биомедицинской сфере давно необходима. Полагаем, что создание специализированных подразделений в правоохранительных органах и судах позволит существенно повысить качество правоприменения, реализовать на практике на данном этапе это достаточно затруднительно, но нужно думать о перспективах. Не случайно в последние годы особо активно развивается такая отрасль права, как медицинское право.

Концепция презумпции согласия на использование биоматериалов, фактически применяемая в российской практике, требует пересмотра. Текущая модель предполагает, что пациент, подписав общее соглашение, автоматически дает согласие на любое использование изъятых биоматериалов, что логически неправильно. Согласие на операцию и на использование тканей — разные документы, и их смешение создает фикцию, позволяющую обходить требования информированного согласия. Необходим переход к модели презумпции несогласия, при которой любое использование биоматериалов за рамками непосредственного лечения пациента требует отдельного, специального, детализированного согласия. Усложнение процедуры оправдано важностью защищаемых прав личности.

[6] Уголовный кодекс Республики Армения от 5 мая 2021 г. : с изм. и доп. по сост. на 23 дек. 2022 г. URL: http://www.parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf (дата обращения: 09.06.2026).

Технологическое развитие продолжится независимо от совершенства правового регулирования. Биомедицинские исследования открывают возможности для лечения заболеваний, считавшихся неизлечимыми. Данный прогресс объективно неизбежен. Однако развитие технологий не должно приводить к нарушению прав человека. Необходимо на законодательном уровне установить четкие границы дозволенного и обеспечить реальную защиту интересов доноров биологических материалов, в том числе уголовно-правовыми средствами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wei B. Neural personal information and its legal protection: evidence from china / B. Wei, Sh. Cheng, Ya. Feng. — DOI 10.1093/jlb/lsaf006 // Journal of law and the biosciences. — 2025. — Vol. 12, no. 1.

2. McMahon A.M. Biobank donation in search of public benefits and the potential impact of intellectual property rights over access to health-technologies developed: A focus on the bioethical implications / A.M. McMahon // Medical Law Review. — 2024. — Vol. 32, no. 2. — P. 205–228.

3. Demir E. The protection of human biodata: Is there any role for data ownership? / E. Demir // Computer Law and Security Review. — 2023. — Vol. 51. — P. 105905.

4. Jordan M. An empirical study of large, human biobanks: intellectual property policies and financial conditions for access / M. Jordan. — DOI 10.1093/jlb/lsab018 // Journal of Law and the Biosciences. -— 2021. — Vol. 8, no. 1. — P. 1–32.

5. Imaging biobanks: operational limits, medical-legal and ethical reflections / E. Capasso, C. Casella, M. Marisei [et al]. – DOI 10.3389/fdgth.2024.1408619 // Frontiers in Digital Health. – 2024. – Vol. 6. – P. 1–9.

6. Аполинская Н.В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н.В. Аполинская. — Иркутск, 2009. — 173 с. — EDN QEHAQL.

7. Карцхия А. Правовое регулирование и возможности современных биотехнологий / А. Карцхия. — EDN EMQDTR // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. — 2020. — № 8. — С. 33–46.

8. Кочои С.М. Биоматериалы, органы и ткани человека как предмет преступления / С.М. Кочои, И.А. Гребенкина. — DOI 10.17150/2500-4255.2021.15(1).82-90. — EDN DRHCLN // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 82–90.

9. Одинцова Ю.А. Уголовно-правовая охрана биологических материалов и генетической информации в Российской Федерации / Ю.А. Одинцова. — EDN KNIHYJ // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : материалы V Всерос. молодежной науч.-практ. конф., Москва, 3 дек. 2021 г. — Москва, 2022. — С. 198–202.

10. Бызов А.А. К вопросу о возможности отнесения органов и тканей человека к объектам гражданских прав / А.А. Бызов. — EDN OOBWFC // Цивилист. — 2024. — № 5 (51). — С. 11–17.

11. Кагирова С.Д. Правовая проблема презумпции согласия на изъятие органов и тканей человека / С.Д. Кагирова. — DOI 10.24412/2500-1000-2024-2-3-72-75. — EDN QRHBFJ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 2–3 (89). — С. 72–75.

12. Воронин В.Н. Незаконное ведение фармацевтической деятельности: признаки состава преступления и его недостатки / В.Н. Воронин. — EDN JJQYZK // Уголовный процесс. — 2019. — № 7 (175). — С. 63–69.

13. Фатхи В.И. О правовом статусе органов и тканей человека в гражданском обороте / В.И. Фатхи. — EDN AYAVYI // Юрист-Правовед. — 2020. — № 4 (95). — С. 27–32.

14. Головизнин А.В. Оборотоспособность объектов гражданских прав / А.В. Головизнин. — EDN XPUPYL // Право и экономика. — 2018. — № 4. — С. 21–26.

15. Васильев Г.С. Человеческий биоматериал как объект права / Г.С. Васильев. – DOI 10.21638/11701/spbu25.2018.205. — EDN VLSNCY // Правоведение. — 2018. — № 2. — С. 308–361.

16. Синицын С.А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы / С.А. Синицын. — Москва : Инфотропик Медиа, 2015. — 327 с. — EDN WBPUXN.

17. Колонтаевская И.Ф. Нормативно-правовое обеспечение деятельности медицинских организаций / И.Ф. Колонтаевская, И.Н. Лебедев, Л.Е. Заведеева. — Москва : Изд-во Моск. ун-та им. С.Ю. Витте, 2021. — 168 с. — EDN VSZDQL.

18. Пестрикова А.А. Особенности институтов информированного согласия и права собственности при правовом регулировании отношений, связанных с биологическим материалом человека / А.А. Пестрикова, Л.Н. Сморчкова. — DOI 10.17803/1994-1471.2022.145.12.110-120. — EDN UIBYOP // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17, № 12 (145). — С. 110–120.

19. Khen Yu.V. Humanitarian expertise in the perspective of genomic research / Yu.V. Khen. — DOI 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-7 // Research Result. Social Studies and Humanities. — 2022. — Vol. 8, no. 4. — P. 73–82.

20. Подройкина И.А. Использование биотехнологий: некоторые проблемы правового регулирования и ответственности на пространстве ЕАЭС / И.А. Подройкина. — EDN YRNHGV // Технологии XXI века в юриспруденции : материалы седьмой междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 5 июня 2025 г. — Екатеринбург, 2025. — С. 139–147.

REFERENCES

1. Wei B., Cheng Sh., Feng Ya. Neural Personal Information and its Legal Protection: Evidence from China. *Journal of Law and the Biosciences,* 2025, vol. 12, no. 1. DOI: 10.1093/jlb/lsaf006.

2. McMahon A.M. Biobank Donation in Search of Public Benefits and the Potential Impact of Intellectual Property Rights over Access to Health-Technologies Developed: A Focus on the Bioethical Implications. *Medical Law Review*. – 2024. – Vol. 32, no. 2. P. 205–228.

3. Demir E. The Protection of Human Biodata: Is there any Role for Data Ownership? *Computer Law and Security Review*, 2023, vol. 51, pp. 105905.

4. Jordan M. An Empirical Study of Large, Human Biobanks: Intellectual Property Policies and Financial Conditions for Access. *Journal of Law and the Biosciences*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 1–32. DOI 10.1093/jlb/lsab018

5. Capasso E., Casella C., Marisei M., Tortora M., Briganti F., Di Lorenzo P. Imaging Biobanks: Operational Limits, Medical-Legal and Ethical Reflections. *Frontiers in Digital Health*, 2024, vol, 6, pp. 1–9. DOI: 10.3389/fdgth.2024.1408619.

6. Apolinskaya N.V. Biological Objects Human Rights in the Civil Law of the Russian Federation. Cand. Diss. Irkutsk, 2009. 173 p. EDN: QEHAQL.

7. Karckhiya A.A. Legal Regulation and Possibilities of Modern Biotechnologies. *Intellektualnaya sobstvennost. Promyshlennaya sobstvennost' = Intellectual Property. Industrial Property*, 2020, no. 8, pp. 33–46. (In Russian). EDN: EMQDTR.

8. Kochoi S.M., Grebenkina I.A. Human Biomaterials, Organs and Tissues as Objects of Crime. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 1, pp. 82–90. (In Russian). EDN: DRHCLN. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(1).82-90.

9. Odintsova Yu.A. Criminal Law Protection of Biological Materials and Genetic Information in the Russian Federation. In *Investigative Work: Problems, their Solution, Development Prospects. Proceedings of the V All-Russian Youth Scientific and Practical Conference, Moscow, December 03, 2021*. Moscow, 2022, pp. 198–202. (In Russian). EDN: KNIHYJ.

10. Byzov A.A. On the Question of the Possibility of Classifying Human Organs and Tissues as Objects of Civil Rights. *Tsivilist = Civil Lawyer*, 2024, no. 5, pp. 11–17. (In Russian). EDN: OOBWFC.

11. Kagirova S.D. The Legal Problem of the Presumption of Consent to the Removal of Human Organs and Tissues. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2024, no. 2-3, pp. 72–75. (In Russian). EDN: QRHBFJ. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-2-3-72-75.

12. Voronin V.N. Illegal Conduct of Pharmaceutical Activities: Signs of the Crime and its Shortcomings. *Ugolovnyi protsess = Criminal Procedure*, 2019, no. 7, pp. 63–69. (In Russian). EDN: JJQYZK.

13. Fatkhi V.I. About Legal Status of Human Organs and Tissues in Civil Circulation. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2020, no. 4, pp. 27–32. (In Russian). EDN: AYAVYI.

14. Goloviznin A.V. Circulability of the Objects of Civil Rights. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2018, no. 4, pp. 21–26. (In Russian). EDN: XPUPYL.

15. Vasiliev G.S. Human Biomaterial as a Legal Object. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 2018, no. 2, pp. 308–361. (In Russian). EDN: VLSNCY. DOI: 10.21638/11701/spbu25.2018.205.

16. Sinitsyn S.A. *Protection of Property Rights in Russian and Foreign Civil Law: Current Issues*. Moscow, Infotropic Media Publ., 2015. 327 p. EDN: WBPUXN.

17. Kolontaevskaya I.F., Lebedev I.N., Zavedeeva L.E. *Regulatory Framework for the Activities of Medical Organizations*. Moscow University named after S.Yu. Witte Publ., 2021. 168 p. EDN: VSZDQL.

18. Pestrikova A.A., Smorchkova L.N. Features of Institutions of Informed Consent and Property Rights in Legal Regulation of Relations Related to Human Biological Material. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 12, pp. 110–120. (In Russian). EDN: UIBYOP. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.145.12.110-120.

19. Khen Yu.V. Humanitarian Expertise in the Perspective of Genomic Research. *Research Result. Social Studies and Humanities*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 73–82. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-7.

20. Podroykina I.A. The Use of Biotechnologies: Some Problems of Legal Regulation and Responsibility in the EAEU Area. In *Technologies of the 21st Century in Jurisprudence. Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference, Ekaterinburg, June 05, 2025*. Ekaterinburg, 2025, pp. 139–147. (In Russian). EDN: YRNHGV.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Подройкина Инна Андреевна — доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Ростовского филиала Российской таможенной академии, 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Буденновский, 20; профессор кафедры публичного и уголовного права Сургутского государственного университета, 628412, Российская Федерация, г. Сургут, пр-кт Ленина, 1, 919820@mail.ru.

Сираканян Аркадий Рашимович — кандидат юридических наук, заместитель директора института государства и права, старший преподаватель кафедры публичного и уголовного права Сургутского государственного университета, 628412, Российская Федерация, г. Сургут, пр-кт Ленина, 1, sirakanyan_ar@surgu.ru.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Podroykina, Inna A. — Doctor of Law, Dean, Law Faculty, Rostov branch of the Russian Customs Academy, 20 Budyonnovsky Ave., Rostov-on-Don, 344002, the Russian Federation; Professor, Department of Public and Criminal Law, Surgut State University, 1 Lenin Ave., Surgut, 628412, the Russian Federation, 919820@mail.ru.

Sirakanian, Arkadiy R. — Ph.D. in Law, Deputy Director, Institute of State and Law; Senior Lecturer, Department of Public and Criminal Law, Surgut State University, 1 Lenin Ave., Surgut, 628412, the Russian Federation, sirakanyan_ar@surgu.ru.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.